

Если думаешь, что можешь лучше, то попробуй!

Гарднер к Валиенте о написании ритуалов (Kelly 1991: 102)

Имя Бога и Богини: основные положения веры в трудах основателей и популяризаторов викки

Статья посвящена анализу формирования основных положений веры в современной викке в контексте теории религиозного поля Пьера Бурдье и концепции религиозной традиции Талаля Асада. В качестве источников базы рассматриваются труды основателей викки и наиболее влиятельных ее популяризаторов: Джеральда Гарднера, Дорин Валиенте, Стьюарта Фаррара, Стархоук, Рэймонда Бакленда, Скотта Каннингема и Айдана Келли. Особое внимание уделяется двум текстам, которые считаются священными внутри викканской традиции, — Миfu о Богине и Воззванию к Богине, а также анализируются четыре устойчивых тематических блока, присутствующих в главах об основах веры: концепция божественного начала, представления о реинкарнации, история викки как религии и морально-этические принципы. Эти элементы рассматриваются как дискурсивные механизмы, обеспечивающие воспроизведение и обновление традиции. В ходе анализа демонстрируется, что эти четыре ключевых составляющих не являются фиксированными доктринаами, но формируются и переосмысливаются в зависимости от эпохи, традиции и воззрений того или иного автора. Образы Бога и Богини постепенно переходят от конкретных персонажей к более универсальным воплощениям божественного, способным принимать любые имена и выполнять любые функции в любой мифологической системе. Представления о реинкарнации расширяются: от элитарной идеи перерождения к универсальному механизму преемственности, поддерживающему институт истории и памяти. Исторические нарративы эволюционируют от конструирования древности к идею, что традиция поддерживается аутентичной верой самих практикующих. Этические нормы — прежде всего принцип ненанесения вреда и идея тройного воздаяния — постепенно становятся центральным инструментом внутренней регуляции, где интериоризация всегда превалирует над внешним кодексом. Таким образом, общие положения викки представляют собой не статичный канон, а набор тем, в которых традиция постоянно пересобирает и обновляет собственные смыслы.

Ключевые слова

викка; положения веры; современное язычество; религиозная традиция; религиозное поле; священные тексты; Миf о Богине; Воззвание к Богине; реинкарнация; история викки

The article examines the formation of the core tenets of faith in contemporary Wicca through the analytical frameworks of Pierre Bourdieu's concept of the religious field and Talal Asad's theory of religious tradition. The source base includes the works of Wicca's founders and its most influential popularizers: Gerald Gardner, Doreen Valiente, Stewart Farrar, Starhawk, Raymond Buckland, Scott Cunningham, and Aidan Kelly.

Particular attention is given to two texts that have acquired a sacred status within the Wiccan tradition—the Myth of the Goddess and the Charge of the Goddess. The article further analyzes four stable thematic blocks found in chapters devoted to the fundamentals of belief: the nature of the divine, conceptions of reincarnation, the history of Wicca as a religion, and moral-ethical principles. These components are interpreted as discursive mechanisms that ensure the reproduction and continual renewal of the tradition. The analysis demonstrates that these four key elements do not constitute fixed doctrines but are shaped and reinterpreted depending on historical context, tradition, and authorial perspective. The depictions of the God and the Goddess gradually shift from specific mythological figures to more universal manifestations of the divine that can assume any name or function. Conceptions of reincarnation expand from an idea associated with initiates to a universal mechanism of continuity that sustains memory and the longevity of the tradition. Historical narratives evolve from attempts to construct an ancient lineage to an understanding that the development of Wicca is maintained through the practices and faith of its participants. Ethical norms—above all the principle of harming none and the idea of triple return—gradually become a central instrument of internal regulation, grounded in interiorization rather than external codification. Thus, the core tenets of Wicca constitute not a static canon but a set of themes through which the tradition continually reorganizes and redefines its meanings.

Keywords

Wicca; credo; contemporary paganism; religious tradition; religious field; sacred texts; Myth of the Goddess; Charge of the Goddess; reincarnation; history of Wicca

Автор сердечно благодарит Дмитрия Громова, Кирилла Королева, Дмитрия Гальцина, Виктора Арадия, Наталию Любимову, Германа Устященцева, Егора Крыкова, Александра Басова, Анастасию Лишиневскую, Анну Кигай, а также всех участников круглого стола «Как антропологи могут изучать символ веры?» (7.10.25) и семинара «Исследования современного язычества» (3.11.25).

Согласно концепции Пьера Бурдье о религиозном поле, любое новое религиозное движение появляется не в вакууме, а в дискурсе властных отношений, основанном на обладании религиозным капиталом – монополии на истину и спасение (Бурдье 2009). С самого начала это приводит НРД в достаточно уязвимое положение, поскольку господствующий институт, обладающий такой разновидностью символической власти как религиозный авторитет, стремится препятствовать доступу на рынок новых предприятий по спасению – то есть, любых новых форм религиозных общин, так как самим фактом своего существования они ставят под сомнение монополию церкви на инструменты спасения.

Однако равным образом, по Бурдье, любое религиозное движение обеспечивает потребности определенной социальной группы, поэтому и изменение господствующей религиозной парадигмы от класса к классу, и возникновение новых форм религиозных движений неизбежно. Возникшая в конце 1940-х годов на европейском религиозном поле викка – самая крупная современная языческая религия – в первую очередь обеспечивает интересы среднего класса с высшим образованием и определенным культурным капиталом (Luhmann 1991). Возникшая в среде, с одной стороны заинтересованной в новых формах религиозности и следующей за ней переформулировке социальных отношений, а с другой стороны все еще в рамках религиозного габитуса, обеспеченного капиталом христианской церкви, викка формулирует свои основные постулаты, которые можно рассматривать как инструмент накопления символического капитала и средство завоевания автономии внутри религиозного поля. Эти постулаты образуют своего рода религиозный капитал викки – совокупность идей, практик и текстов, через которые движение закрепляет собственную легитимность и монополию на истину и спасение. Формулирование таких положений становится не только внутренним актом доктринального упорядочивания, но и внешней стратегией в борьбе за признание: викка должна одновременно дистанцироваться от христианской ортодоксии и использовать её культурный язык, чтобы быть понятной в обществе, где этот язык задаёт само представление о «религии». В этом смысле процесс кодификации викканских представлений о вере можно понимать как попытку создать альтернативный дискурс истины и спасения, сопоставимый по структуре с христианским, но отличающийся по онтологическому и этическому содержанию.

Как самая крупная современная языческая религия, викка многократно становилась предметом для исследования антропологами и социологами, однако чаще всего исследования касались предпосылок и истории викки как религиозного течения (Hutton 1999; Clifton 2006; Heselton 2012, 2016), а также анализу ее социологической составляющей (Luhmann 1991; Berger 1999; Pike 2001; Magliocco 2004), и вопрос конструирования ее базовых положений как основы религиозной традиции, которому посвящена данная работа, затрагивался лишь отчасти. В качестве определения религиозной традиции мы используем концепцию Талаля Асада о динамической системе дискурсов, в которых одновременно воспроизводится прошлое, формируется настоящее и проектируется будущее практики (Asad 2009: 20). Традиция викки складывается

через тексты, ритуалы и нарративы, которые сами участники движения наделяют нормативным значением, - то есть именно через те дискурсивные практики, которые Асад называет механизмами воспроизведения и переопределения традиции. Его подход позволяет рассматривать викку не как «новую» или «искусственно созданную» религию, а как живую традицию, формирующую собственные средства поддержания и трансформации веры.

Настоящая статья посвящена именно этому процессу — созданию викканской религиозной традиции через формулирование её основ веры. Нашей целью будет проанализировать процесс конструирования и трансформации основных положений веры в трудах основателей викки и ее влиятельных популяризаторов — Джеральда Гарднера, Дорин Валиенте, Стюарта Фаррара, Стархоук, Рэймона Бакленда и Скотта Каннингема (а еще Айдана Келли для истории викки). Мы будем использовать их самые известные труды, своего рода компендиумы, в которых даются базовые знания о викке и относящихся к ней явлениях. Практически все из них переиздавались несколько раз, даже на российском рынке. Единственным исключением, когда мы будем использовать в цитатах не оригинал, а перевод, является книга Скотта Каннингема (Каннингем 2024): перевод строго следует английскому оригиналу и в этом случае было бы нелепо переводить его еще раз заново.

Мы рассмотрим те разделы их книг, которые сами идеологи викки называют в своих книгах «базовые верования ведьм», «во что верят ведьмы» и т.д. Мы посмотрим на их содержание, выделим главные темы и проанализируем их эволюцию во времени, остановимся на культурных влияниях и источниках вдохновения.

Зачастую темы из этих разделов будут дублироваться и в других главах книг, однако информацию из них (кроме случаев, когда это необходимо) мы рассматривать не будем, перед нами стоит задача выявления символа веры — то есть, основных постулатов веры, и как их формулируют влиятельные фигуры в викке — и расширять нашу сферу исследования, привлекая другие главы кажется чрезмерным: каждый раздел в таком случае потребует самостоятельного исследования.

Само становление религиозной традиции, разумеется, нельзя свести только к ее отражению в письменных источниках. Однако в случае викки это отчасти может быть обосновано: несмотря на то, что в 1970-х годах Стюарт Фаррар

неоднократно подчеркивал, что для того, чтобы стать ведьмой, вас должна инициировать ведьма, то есть процесс передачи знаний о традиции должен происходить от одного инициированного к другому, уже в 1980-х годах намечается устойчивая тенденция на одиночную практику¹, без ковена и инициации, и источником знаний о религиозной традиции становятся книги. Акцент на книжную традицию представляется обоснованным: Таня Лурманн и Чес Клифтон неоднократно указывали в своих книгах, что виккане очень много читают (Luhrmann 1991: 86 и далее; Clifton 2006: 106-108) и в целом обладают внушительным культурным капиталом.

Священные тексты: Миф о Богине

В викке нет священных книг (Gardner 1982: 40), и нужно всегда помнить о критике Талаля Асада, что в религиях необязательно они должны быть – это дань того, как протестантизм формирует наши взгляды на религию. Однако самое близкое к тому, что можно назвать основополагающим мифом викки и ее священным текстом, мы впервые можем найти в книге «отца-основателя» викки – Джеральда Гарднера. Его книга «Ведовство сегодня» (1954) интересна не только тем, что эта первая книга о викке, написанная после того, как был отменен закон о колдовстве, но и тем, что этот труд закладывает сами основы викки как религии. В нем впервые в печати появляется текст, который позиционировался Гарднером как основополагающий миф ведовства – «Миф о Богине».

Хотя богиня никогда не любила, она хотела познать все тайны, даже тайну Смерти, и она спустилась в подземный мир. Стражи у врат остановили ее. «Сними свои одежды, отложи свои украшения, ибо ничто не можешь ты взять с собой в эти земли». И сняла она свои одежды и украшения и была связана, как происходит со всеми, кто вступает в царство Смерти, всемогущего².

Такой невероятной была ее красота, что сам Смерть встал на колени перед ней и поцеловал ее ноги. «Благословенны будут твои ноги, что привели тебя сюда. Пребудь со мной, но позволь моей холодной руке покоиться на твоем сердце». И ответила она: «Я не люблю тебя. Почему заставляешь ты вянуть и умирать всё то, что я люблю и чем дорожу?» «Госпожа», ответил Смерть,

¹ Это ярче всего демонстрируют труды Рэймонда Бакленда и особенно Скотта Каннингема, который выпускает целый ряд книг для ведьм-одиночек, пользующихся неизменной популярностью до сих пор.

² У Гарднера, как и во всей англоязычной традиции, Смерть как персонаж - мужского рода.

«это возраст и судьба, перед которыми я бессилен. Возраст уничтожает всё, но, когда в конце своего пути человек умирает, я даю ему покой и мир и силу, чтобы мог он вернуться. Но не тебе, ты прекрасна. Не возвращайся, пребудь со мной». Но она ответила «Я не люблю тебя». Тогда сказал Смерть: «Если ты не позволишь положить руку на твое сердце, то ожидай наказания от Смерти». «Если такова судьба, то так тому и быть», сказала она и встала на колени. Смерть ударил ее бичом, и она закричала «Теперь я знаю муки любвио. И сказал Смерть «Будь благословенна», и поцеловал ее пятикратно, говоря «Только так можешь ты достичь радости и знания»»

И он поведал ей о всех тайнах мироздания, и они любили друг друга и были одним целым; и научил он ее всем магическим искусствам. Ибо в жизни человека есть три великих события – любовь, смерть и реинкарнация в новом теле – и магия управляет ими всеми. Чтобы обрести любовь, ты должен вернуться в то место и время, что и твой любимый человек, и ты должен вспомнить и снова полюбить его или ее. Но для того, чтобы родиться снова, ты должен умереть и приготовиться к новому телу; чтобы умереть, тебе нужно родиться; без любви ты не можешь родиться, и всё это – магия» (Gardner 1982: 41).

Миф о Богине впервые отрывками появляется еще в «Книге теней» Гарднера (до 1948 г.) (Serith 2003), а также в следующей книги Гарднера «Значение ведовства» (1959), однако там язык становится еще более архаичным. Вероятно, различия между текстами связаны с тем, что Гарднер пересказывал его так, как сам запомнил.

Сам Гарднер называет этот миф центральной идеей ведовской религии и замечает, что «возможно он был составлен, чтобы объяснить уже существующие идеи и ритуалы» (Gardner 1982: 41). После окончания пересказа мифа комментирует его возможные источники: он пишет, что миф похож на нисхождение Иштар в царство мертвых, на мифы о Шиве, однако сам он считает, что миф имеет кельтское происхождение, так как «в кельтских легендах повелители подземного мира готовили тебя к перерождению, и, говорят, что многие живые вторгались в их царство, заключали с ними союзы и благополучно возвращались» (Gardner 1982: 42).

Проблема с Мифом о Богине заключается в том, что действительно он имеет отчасти схожие черты со всеми обозначенными Гарднером вариантами, но

ни один из них по своему внутреннему содержанию и контексту ему не соответствует. К примеру, путешествие Иштар к своей сестре Эрешкигаль закончилось достаточно плачевно, так как Эрешкигаль оставила ее в своем царстве, и другим богам пришлось приходить на выручку Иштар.

Гарднер, к тому же, пропускает два важных источника: это миф о Персефоне и Аиде, и, как указывает историк и популяризатор вики Кайсир Серит, христианские мифы (Serith 2003). Откровенно говоря, Сошествие Христа во ад и Искупление функционально имеют больше параллелей с Мифом о Богине, чем перечисленные Гарднером.

В своих воспоминаниях Дорин Валиенте писала, что происхождение этого мифа ей неизвестно: «написал ли это старик Джеральд сам или он перенял у кого-то, я не знаю. Подозреваю, что и того, и того там было понемножку: а именно, что он заимствовал основные черты и дописал уже своими словами. Можно сказать, что это версия истории об Иштар и подобных ей легенд; и она совершенно очевидно относится к ритуалу инициации» (Farrar, Farrar 1996: 167). Айдан Келли, комментируя Миф, замечает, что концепт Богини Гарднер заимствовал из теософии, а не из некого античного источника: на этой критике основывается его предположение, что сам Миф появляется лишь в середине XX века, для того, чтобы объяснить уже существовавшие в викке концепты – «использование бичевания и появление богини, так как описанная Мюррей языческая религия нисколько с богиней не связана» (Kelly 2007: 159). Несмотря на критику Келли (а затем и критику критики Келли), миф о Богине закрепляется в викканской традиции и начинает изменяться, адаптируясь под разные традиции: у Стюарта Фаррара в книге «Что делают ведьмы» (1971) в самом начале он снабжается пояснением о происхождении бога:

В древние времена, Господь наш, Рогатый Бог, был (и до сих пор является) Смотрителем, Утешителем. Но люди знали его как грозного Повелителя теней, одинокого, сурового и справедливого.

И в конце рассказывает о Богине:

И наша Богиня, приносящая любовь, радость и счастье, хранящая и берегущая своих скрытых детей в жизни, и наставляющая их к своим таинствам после смерти; и даже в этом мире она учит их мистерии

Магического круга, который находится между миром людей и миром Богов (Farrar 1971: 191).

Однако изменения Мифа в разных традициях викки нельзя ограничить только такими косметическими и контекстуальными правками. Вместе с развитием викки как религии меняется и отношение к Мифу.

Рэймонд Бакленд использует этот миф как трафарет, чтобы найти ему аналоги в основанной им «сикс-вике» (Seax-Wica) или саксонской викке, сформированной на основе образов и символов англо-саксонского язычества. Использовав образ Фрейи как Богини, Бакленд ищет в германской мифологии похожий сюжет и находит его в Саге о Хедине и Хёгни. В своей классической работе 1986-го года, получившей несколько переизданий даже на российском рынке, цитирует Миф из книги Гарднера и сразу за ним помещает свой пересказ сюжета из Саги о Хедине и Хёгни, при этом он пересказывает его, расставляя акценты и заостряя внимание на тех частях, которые лучше соответствуют Мифу Гарднера, однако подобно Джозефу Кэмпбеллу, игнорируя его историческую структуру (Buckland 1997: 15-17).

Комментируя Миф у Гарднера, Бакленд указывает на еще три его возможных источника: потерю Идуунн ее золотых яблок, Сиф ее золотых волос, а также смерть и воскресение Иисуса Христа. Первые два мифа не кажутся очевидными вариантами для сюжета Мифа о Богини, так что представляется, что они также должны были подвергнуться обработке. Практически во всех традициях викки, эволюционируя, изначальные образы Мифа оказываются трафаретами для накладывания их как символы на разные мифологии.

В чем смысл Мифа? Очевидно, что сила любви, жизни и Богини может превозмочь смерть, превращая ее в возрождение. Изначально говорится, что все души перерождаются, но под конец делается уточнение, что это возможно только в силу любви. Так как до прибытия Богини любви нет, то эта легенда оказывается мифом о реинкарнации. В изначальной формулировке Гарднера реинкарнация касалась только тех, кто был инициирован, и сама легенда использовалась для инициации второй ступени, как пишет Айдан Келли.

Священные тексты: Воззвание к Богине

Самое близкое к тому, что можно назвать символом веры в викке, также впервые в печати появляется в книге Гарднера и называется им «воззвание³ к Богине». Гарднер пишет, что воззвание читается перед инициацией:

«Прислушайтесь к словам Великой Матери, которая издревле звалась среди людей Артемидой, Астартой, Дионой, Мелузиной, Афродитой и многими другими именами. На алтарях моих цвет юности Лакедемона совершаил приношения. Раз в месяц, и лучше в полнолуние, назначьте встречу в тайном месте и почитайте меня, королеву всей магии, . . .

Ибо я милосердная богиня, и я дарую земную радость, не веру, а уверенность, в жизни, и после смерти – несказанный покой, умиротворение и наслаждение от богини. И я не прошу ничего взамен. . . » (Gardner 1982: 42).

Сам Гарднер высказывает предположение, что подобное воззвание было характерным для античных мистерий, оно соотносит богиню с богинями других стран, и оно относится ко времени, когда римляне или другие чужаки прибыли⁴ (вероятно, на Британские острова). Однако анализ текста показывает, что большая его часть взята из «Арадии» Чарльза Лиланда с включениями «Книги закона» Алистера Кроули (D'Este 2019), а само обращение Богини с перечнем ее имен – из «Золотого осла» Апулея, где Изида говорит о том, что она – реальность за остальными богинями (Serith 2019).

Любопытным образом, несмотря на то, что это первый появившийся в печати отрывок из Воззвания, он не является самым древним. На самую старую версию претендует Айдан Келли (Kelly 1991), говоря, что она была сочинена еще до 1948 года. Позже, в 1953 году, Дорин Валиенте напишет прозаическую и стихотворную версии Воззвания, так как хотела вычеркнуть как можно больше оттуда кроулианства (Crowleyanity) (Valiente 1989: 45), а версия в книге Гарднера является, как предполагает Кайсир Серит, пересказом по памяти версий Валиенте (Serith 2019). Любопытно, что при всей нелюбви Валиенте к Кроули, в Воззвании все равно осталось очень много фрагментов из его трудов (D'Este 2019).

Первую попытку проследить историю версий Воззвания делают супруги Фаррары в книге «Восемь сabbатов для ведьм» (1981), позиционируя там Воззвание как «викканский символ веры» (Wiccan Credo), и приводят свой текст Воззвания, который, как они пишут, имеет незначительные отличия от текста

³ Гарднер использует масонский термин «charge».

⁴ “When Romans or strangers came in”

Валиенте (напр., замена слова “witches” на “witcheries”), замечая, что большинство ведьм предпочитают прозаическую версию Воззвания Валиенте, а не стихотворную (Farrar, Farrar 1996: 42). Еще раньше, в книге 1971 года Стюарт Фаррар дает определение Воззванию - «традиционные слова Богини к ее последователям или «сокрытым детям» (hidden children), обычно произносимые Верховной жрицей во время собрания ковена» (Farrar 1971: 201).

Редактирование текста Воззвания в целом становится популярной практикой: Стархук переписывает прозаическую версию Валиенте для собственной традиции, убирая оттуда все предложения с упоминанием мужчин (слова *man* или *men*) (Starhawk 2011).

Любопытным образом, одной из контроверсий викканского сообщества до сих пор является легенда, что Валиенте самостоятельно написала всё Воззвание: все еще появляются трэды на Реддите, где эта тема вновь и вновь всплывает в комментариях (Charge of the Goddess 2025).

Несмотря на то, что для многих виккан священными текстами также являются мифы той религиозной традиции, к которой они себя причисляют, универсальных текстов всего два, и мы их рассмотрели. Помимо этого, в главах, посвященных основным положениям веры, несмотря на то, что написаны они по-разному, в зависимости от взглядов того или иного автора и эпохи, в которой он жил, всё же можно выделить несколько общих тем, и в следующей части статьи мы посмотрим на то, как менялись эти взгляды на общие положения вики.

Природа божественного начала

С рассмотренным нами выше Мифом о Богине непосредственно связано толкование сути божественных персонажей. Гарднер указывает, что ему запрещено называть имя Богини, однако он трактует ее как «богиня ведовского культа – это очевидно Великая Мать, дарительница жизни, любовь во плоти. Она – богиня весны, удовольствия, пиршеств и всякой радости. Позднее ее соотнесли с другими богинями, и у нее появилась особая связь с луной» (Gardner 1982: 42). Таким образом, Гарднер позиционирует божества вики как Бога Смерти и Великую Мать, известную под разными именами, и сила ее происходит от Бога.

В свою очередь Дорин Валиенте в своей основополагающей работе «Азбука ведовства» (1973) начинает с того, что покушается на идею, что монотеизм является эволюционно более прогрессивным концептом, чем язычество. Она

пишет, что гораздо логичнее полагать, что божественность может быть и маскулинной, и феминной, и в целом состоять из целой иерархии божеств, которые правят разными сферами. Характеризуя концепт божественности у ведьм, Валиенте пишет, что его лучше всего назвать жизнью как таковой (Valiente 1986: 35).

От дуализма язычества уходит Стиюарт Фаррар, несколько раз упоминавший в своей главе, что ведовство – это наполовину народная традиция и наполовину оккультизм (использует для этого образ бога Пана). Он указывает, что в древности люди знали, что существует всего одна религия, поэтому разные пантеоны в разных странах не вызывали ни у кого вопросов. Фаррар пишет, что «божественный принцип един и непознаваем на нашей стадии развития (или как Новая Английская Библия указывает: «лица Моего не можно тебе увидеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых» Исход 33:20), но принцип может быть разделен на аспекты для нашего понимания» (Farrar 1971: 34-35). Фаррар сравнивает это разделение с христианской Троицей. Он указывает, что в ведовстве есть два культа: Рогатого Бога и Богини-Матери, и в их описании он использует каббалистические понятия. Он пишет, что бесконечный свет Аин Эйн-соф манифестируется на духовном плане в Бога и Богиню, какими бы именами они ни назывались и какие бы аспекты не позиционировали, за ними стоит иерархия меньших духовных сущностей, а затем индивидуальные души – мужчины и женщины (Farrar 1971: 36).

Одним из животрепещущих вопросов, который поднимается не единожды в трудах виккан, является баланс между Богом и Богиней. Несмотря на то, что позиционируются они как равные сущности, предпочтения в почитании их полностью зависят от желания верующих. Стархук, пожалуй, является одним из самых ярких примеров предпочтения Богини, что характерно для ее традиции, основанной на экофеминизме. Стархук пишет, что Богиня является основным символом для непознаваемой силы. У Богини бесчисленное количество аспектов и тысячи имен – она реальность за метафорами. Она реальность, главное божество, присутствующее во всей жизни, в каждом из нас. Богиня не отделена от мира – она и есть мир. Символизм Богини не параллелен Богу Отцу. Богиня не правит миром, она и есть мир. Воплощенная в каждом из нас, ее может познать каждый во всем ее величайшем многообразии (Starhawk 2011).

В свою очередь, Рэймонд Бакленд, не называя имен, критикует этот подход. Он пишет, что в викке, в отличие от христианства, зачастую превалирует женское, а не мужское начало, однако должен быть баланс. Бакленд начинает с того, что указывает, что все религии мира по сути своей – одно и то же. Все учения говорят об одном, отличается только их метод. Есть разные ритуалы, разные праздники, разные имена для богов – но боги везде одинаковы (здесь он ссылается на Макса Мюллера и сэра Джеймса Фрэзера⁵).

Кем же являются боги? По Бакленду, существует некое «Высшее божество» (Ultimate Deity), «некая бесполая сила, которая недоступна нашему пониманию, так что мы можем только догадываться о ее сущности» (Buckland 1997: 14). Она разделяется для нашего понимания на Бога и Богиню. Бакленд ссылается на Ксенофона, говоря, что все божества этнически окрашены, и развивает идею, что традиционные для вики Рогатый Бог и Богиня плодородия – это то же, что Изида и Осирис, Шива и Парвати, в христианстве – Иисус и Мария. Божество всегда разделяется на мужскую и женскую сущности. Сама Богиня тоже обладает тремя аспектами – дева, мать, старуха. Несмотря на разные имена, это все еще одна богиня, о сути имена не так уж важны.

Бакленд, рассказывая про свою собственную традицию «сикс-вики», подчеркивает, что имена Один и Фрейя были им выбраны не потому, что он пытался восстанавливать язычество англо-сaxonского периода (Бакленд считал, что это невозможно), а потому что имя Фригг имеет плохое звучание в английском. Бакленду не важно историческое совпадение, он использует германское язычество в качестве символов (Buckland 1997: 16). Бакленд в принципе считает, что можно выбрать любые имена богов и богинь, главное – чтобы они резонировали с вами. Если чувствуете, что Кернууннос не откликается – найдите того бога, который откликнется, боги вас в любом случае услышат (Buckland 1997: 15).

Эту идею продолжает Скотт Каннингем, ученик Бакленда, в своей работе 1993-го года. Он подробно рассказывает, как создать собственную традицию, что для одиночек лучше всего подходит именно то, что лично им близко, как выстроить идею Бога и Богини, как найти им имена, как понять, что ты сам вкладываешь в их функции и их символы, и т.д. Каннингем при этом пишет

⁵ Бакленд по профессии антрополог и некоторое время руководил кафедрой антропологии в Колумбийском университете.

характеристики Богини и Бога, которые являются своеобразными «общепринятыми»:

Богиня – это воистину всё. В Ней вся сила, вся мудрость, вся любовь, всё плодородие, всё творчество. Она – животворящая и вместе с тем разрушительная сила, которая создала нашу вселенную и создает наши жизни (Каннингем 2024: 60).

Он также подчеркивает, как и Бакленд, что общепринятым является представление о Триединой Богине: деве, матери, старухе.

Бог равен Богине в сердцах виккан, потому что без Него наш мир был бы холодным, бесплодным и безжизненным. Хотя большинство виккан воспринимают Бога не так эмоционально, как Богиню, к Нему всегда обращаются во время нужды (особенно для защиты) (Каннингем 2024: 63).

Он также указывает, что викканам сложнее взаимодействовать с Богом, потому что по мнению Каннингема он напоминает христианского бога, которого им часто навязывали, отсюда и диспропорция в культе Бога и Богини.

Подводя некоторые итоги, достаточно очевидной становится эволюция представлений о богах в трудах викканских влиятельных авторов. Гарднер пишет о Великой Матери и Смерти, идентифицируя богов ведьм именно так, с одной стороны через приписывание Матери многочисленных имен других богинь: «я – реальность за другими богинями», с другой стороны, достаточно четко обозначая функции ее и ее супруга – который от покровителя охоты становится покровителем мертвых. Дискурс о викканской божественной паре постоянно происходит в рамках христианской культуры, перекликается с ней и формулируется в ее терминах.

Так подчеркивается древность язычества по сравнению с монотеизмом, но не его «примитивность»: викка становится совершенно в духе универсализма викторианской науки некой первоначальной религией, о которой знали люди древности, но потом по какой-то причине забыли (как и смысл ритуалов забыли европейские крестьяне по идеям эволюционистов). Викка начинает рассматриваться как смесь некого забытого народного знания и оккультизма, и если первое позволяет ей претендовать на древность и «аутентичность», то второе – использовать термины для объяснения сути религии, которая по своей сложности призвана не отличаться от христианства, а порой – и затмевать его.

Божественная пара сравнивается с Троицей в доказательство основного постулата: викка имеет право на существование в пространстве, где доминирующая позиция и отношения власти построены так, что во главе находится христианство.

Тем не менее сама реальность вмешивалась в стройные структуры, и викка, религия возникшая вокруг ведьм и ставившая Богиню-женщину во главу угла, особенно на волне феминизма 60-70-х годов, часто забывала про вторую часть божественной пары. Возникают движения, которые принципиально игнорируют или призывают роль Бога, однако здесь балансается на откуп каждому конкретному идеологу: если Стархоук принципиально отдает господство Богине, то Фаррар и ранее еще Гарднер, вроде бы ратующие за баланс, подчеркивают, что Богиня получает свои силы из рук Бога, таким образом отдавая ему несколько более высокое положение.

Уже с 80-х годов начинается окончательная трансформация фреймворка веры, не просто изменение баланса, и не просто рефлексия над ее теоретическими основами и древностью, а буквальное конструирование веры под себя. Бог и Богиня оказываются настолько непознаваемыми и всеведущими сущностями, что могут стать любым божеством в мире, только бы это божество откликнулось самому верующему – можно выбрать кого угодно, «Господь знает Своих» (2 Тим. 2:19).

Представление о реинкарнации

С Мифом о Богине тесно связан еще один непременный аспект символа веры викки – это реинкарнация или вера в перерождение души в другом теле. Миф о Богине можно рассматривать как миф о происхождении реинкарнации, однако изначально она подразумевалась только для верящих в Богиню. Эта элитарность пропадает уже в тексте самого Гарднера, для которого вера в реинкарнацию является ключевой и буквально позиционируется им как краеугольный камень веры.

Свою главу о верованиях ведьм Гарднер начинает с констатации, что и среди ведьм есть христиане, а среди христиан – те, кто верит в реинкарнацию. Гарднер связывает реинкарнацию с самой сутью веры в Бога и Богиню: «Бог культа считался богом другого мира, или смерти и реинкарнации, утешителем. После смерти вы с радостью устремляйтесь в его земли для отдыха и восстановления сил, становясь юными и сильными, ожидая времени перерождения на земле снова» (Gardner 1982: 40). Буквально, если верховным

божеством является Бог Смерти (а у Гарднера Богиня получает свои силы от Бога), то реинкарнация вписана в его функции.

Дорин Валиенте расширяет понимание реинкарнации. Она говорит, что этот концепт гораздо старше и правильнее идеи, что мы живем одну короткую жизнь, а после попадаем или в рай, или в ад. Она ссылается на неназванных оккультных философов и на Декарта, замечая, идея одной жизни абсурдна, потому что ничто во вселенной не может быть уничтожено навсегда. Для Валиенте умирает только тело, а индивидуальность не может быть уничтожена. В то же время сама индивидуальность меняется – контекст обеспечивают «маски» – земные воплощения. Валиенте расширяет идею Гарднера о загробном мире – для нее это «страна фейри, языческий рай наподобие кельтского Тир-на-Ног’а, страна юности» (Valiente 1986: 36). Валиенте продолжает линию Гарднера на кельтскую экзотизацию – для нее кельтские легенды и мифы являются базисом ведовства, той самой «древней религией», последователями которой они являются. Кельты здесь выступают в виде таких мифических первопредков, «прапредителей» британцев, как и весьма часто в ее книгах.

Над реинкарнацией рефлексирует и Стьюарт Фаррар, транслируя точку зрения супругов Сандерс, основателей Александрийской традиции викки. Он возвращается к концепции Гарднера: «она [Максин Сандерс. - Д.Т.] несколько раз заверяла нас, что осмысленная инициация в оккультный орден в одной жизни оказывает эффект на другие реинкарнации, и Алекс [Сандерс. - Д.Т.] говорил то же самое, считая, что те, кто ищут викку, возвращаются к тому, что у них уже было» (Farrar 1971: 46). Ведьмы перевоплощаются в ведьм, при этом Фаррар упоминает концепции, что те, кто был мужчиной в одной жизни, становятся женщиной в другой и наоборот. При этом сам Алекс Сандерс не верил во время, так как считал, что все события уже произошли, поэтому реинкарнация может быть как в прошлом, так и в будущем.

Рэймонд Бакленд посвящает реинкарнации целый раздел в своей главе о символе веры ведьм. Для него важно показать, что реинкарнация является древним и уважаемым концептом, поэтому он перечисляет последовательно индуизм, буддизм и упоминает, что до Константинопольского собора христианство тоже разделяло идею о реинкарнации⁶. Идея реинкарнации по Бакленду пронизывает все культуры, и поэтому множество вещей объясняется

⁶ Информация, взятая, без сомнений, у Елены Блаватской.

именно ей: например, дети-гении (мудрые старые души). Бакленд сравнивает реинкарнацию с классами в школе – в каждой жизни нужно чем-то научиться, когда ты проходишь эту учебную программу – то умираешь и попадаешь в следующую жизнь. Так он объясняет и смерть маленьких детей – они всему научились в этой жизни, и дежавю – воспоминание о том, что произошло в предыдущей жизни.

Проясняя законы реинкарнации, Бакленд рассказывает, что у всех есть души, однако не считает, что есть иерархия перерождений – иначе бы все в итоге оказались людьми. По Бакленду, собаки перерождаются в собак, кошки в кошечек, люди в людей (Buckland 1997: 17-18). Отвечая на то, откуда души берутся и куда уходят, Бакленд вводит концепцию множественности миров, однако что любопытно, идеи о неком загробном мире, где души ожидают перерождения у него нет – вместо этого он считает, что между перерождениями души помогают смертным – отсюда и концепция ангелов-хранителей (Buckland 1997: 19).

Скотт Каннингем помещает реинкарнацию в разделе постулатов сразу после Бога и Богини. Он пишет своеобразное резюме из разных традиций: о том, что мы меняем пол каждую реинкарнацию, или что сами выбираем его, чтобы научиться новому, также указывая, что в некоторых традициях считается, что мы перерождаемся, чтобы встретиться с любимыми людьми. Каннингем подытоживает свой обзор, указывая, что спорных вопросов в этой теме очень много (Каннингем 2024: 83).

Подытоживая и наш обзор, нужно отметить, что реинкарнацию можно рассматривать как краеугольный камень в главах, посвященных основным положениям викки. Она является тем институтом, который одновременно призван продемонстрировать древность викки как религии: неслучайно подчеркивается, что концепт реинкарнации древнее всех остальных представлений о загробном мире, и даже христианству в древности начинает приписываться этот концепт через утверждения Елены Блаватской о Константинопольском соборе. Однако кроме древности концепт реинкарнации несет в себе идеи преемственности и памяти: ведьмы рождаются ведьмами на протяжении многих веков, и даже в традициях, где линейность времени отрицается, преемственность – один раз ведьма, навсегда ведьма – сохраняется.

Реинкарнация также оказывается базисом, на котором строится образ Рогатого Бога, Смерти как таковой, так что подобно греческому Аиду, ему

принадлежит загробный мир. Однако сам загробный мир представляется по-разному: если у Гарднера и Валиенте это земли отдыха, экзотизированный кельтский Тир-на-Ног, то дальше нужна в этом загробном мире как будто исчезает, и у Бакленда в главе о верованиях ведьм он и вовсе отсутствует.

История викки как религии

Во всех главах о символе веры в книгах викканских идеологов, обязательно упоминается история – даже если потом ей посвящена отдельная глава. История в этих основах веры становится памятью – конструируемым основанием викки как социального института.

Сам Гарднер связывает с историей ведьм само создание мифа о Богине. Он относит его формирование еще к каменному веку, времени матриархата, по его мнению, главным желанием людей было плодородие – так родился кульп Великой Матери, и женщины были ее жрицами. В то же время у мужчин возникает кульп бога охоты, повелевавшего дикими зверями, и по Гарднеру он постепенно каким-то образом (somehow - sic) превратился во владыку потустороннего мира, в Смерть. Гарднер в своих рассуждениях отталкивался от традиции викторианских антропологов – как ехидно отзывался о ней Рэдклифф-Браун, подход «если бы я был коровой» - и подобно Тайлору Гарднер ставил себя на место первобытного дикаря, который пытается осмысливать мир вокруг и создает анимизм. Гарднер считал, что у первобытных людей появились мысли о загробном мире, который представлялся достаточно несчастливым местом, если только ты не сможешь оказаться рядом с богами, и одновременно первобытный человек хотел снова увидеться со своими близкими и воплотиться еще раз на земле в своем племени. Так у Бога Охоты появляется вторая функция: он теперь правит загробным миром, охотничьями угодьями, куда попадают все умершие, но только те из них, кто почитал его, пользуются особенными благами и перерождаются быстрее вместе с любимыми людьми (Gardner 1982: 31-32).

Для Дорин Валиенте и Стиюарта Фаррара история ведовства непрерывно связана с историей оккультизма и магии в целом. Для Валиенте центром ведовства является магия, которая для нее в первую очередь показывает, что «физическй мир – это всего лишь часть реальности, которая познается нашими пятью чувствами» (Valiente 1986: 35).

Фаррар же вслед за Гарднером указывает на древность ведовства как религии, говоря, что «викка – это религия. Ведьмы называют ее самой древней религией на земле» (Farrar 1971: 34). Он развивает эту мысль, говоря, что все жрецы античности знали, что в мире существует только одна религия⁷ – однако это знание забылось при монотеизме (*Ibid*). Для Фаррара существуют два принципа в ведовстве, которые развивались параллельно: античный культ плодородия, от Исиды к Керридвен и Арадии, и поклонение Рогатому Богу, которое было чрезвычайно популярным в средние века, когда он отождествлялся с дьяволом христианской церковью. Что же до формирования современного ведовства, то Фаррар считает его переплетением двух традиций: «базового племенного культа плодородия с одной стороны, и изысканного оккультизма египетских храмов, Кабалы и магических гrimuаров с другой» (Farrar 1971: 35). Он дополняет, что некоторые виккане проводят четкую разницу между первым и вторым, но он сам считает это невозможным.

Под «некоторыми викканами» имеется в виду, скорее всего, Дорин Валиенте: ее волновало противопоставление магии церемониальной и магии народной: в главе про магию она рассказывает историю магов и оккультных групп, однако подчеркивает, что ведовство – это не церемониальная магия: «ведовство – это Старая Религия простых людей» (Valiente 1986: 233), так как ведьма использует свои силы в повседневной жизни. Уже позже, в своей автобиографии «Возрождение ведовства» (1989) Валиенте расскажет, что после того, как она осознала, как части священных текстов были взяты Гарднером у Мюррей, Кроули, Лиланда, Киплинга, она не потеряла веру в ведовство, так как обнаружила, что в ранних текстах Гарднера присутствует достаточно много pragматичных и несложных ритуалов, которые она отнесла к народной традиции – традиции, которая не сохраняется в текстах, так как грамотность была уделом немногих, а передается из уст в уста. Этим она сохранила веру, и, что любопытно, базовой формой для ведовства Валиенте полагала шаманизм (Valiente 2007: 63-65)⁸.

Для Стархук история занимает грандиозное место в ее главе о сути религии викки. Она как и Фаррар называет ведовство самой старой религией на Западе, возводя ее начало еще до возникновения «христианства, иудаизма, ислама, также до буддизма и индуизма». Для Стархук ведовство подобно

⁷ Имея в виду трансцендентное божество, воплощенное в мужской и женской фигурах.

⁸ Валиенте полагала, что в антропологии этот термин все еще означает самые ранние формы религии и магии.

«традициям американскихaborигеновилиарктическому шаманизму». Подобно Гарднеру, Стархук возводит начало ведовства как религии к каменному веку (больше 35 тысяч лет назад, то есть еще во времена палеолита).

Стархук рассказывает, что в каменном веке поклонялись Богине-матери, дающей жизнь, и Рогатому Богу, охотнику и добыче, кто вечно проходит сквозь врата смерти, чтобы жизнь продолжалась. С развитием земледелия Охотник стал Властелином Зерна, и его ритуально приносили в жертву осенью, когда колосья срезают, «хоронили» в лоне Богини, и весной он возрождался снова. Леди дикой природы стала Матерью жита, циклы луны и солнца начали обозначать время посева, сбора урожая и выпуск скота на пастбища.

Стархук затем использует викторианскую теорию, соотносившую доевропейское население с фейри и пиктами, которая нашла воплощение в трудах Маргарет Мюррей, и сама Стархук рассказывает, что с приходом индоевропейцев люди, поклонявшиеся Богине, были изгнаны в горы⁹, а культ Богини был адаптирован под культуру индоевропейцев.

В Греции богиню «выдали замуж» за новых богов – отсюда по Стархук олимпийский пантеон. На Британских островах кельты многое заимствовали из Старой религии, отсюда по Стархук появились друиды. Потом пришло христианство. Изначально историю о Христе крестьяне считали просто вариантом истории о Богине и ее божественном ребенке, которого приносят в жертву, а затем он возрождается. Потом начались гонения. В образе Девы Марии, по мнению Стархук, воплотилось много черт Богини Матери. Ведовство стали считаться еретическим учением. После того, как гонения завершились, наступил XVIII век – время неверия, и культ подвергся новым испытаниям, но выжил (Starhawk 2011).

Всю эту информацию Стархук сообщает на нескольких страницах в своей первой главе «Ведовство как религия Богини», позже переходя к Богине и этике ведовства.

Любопытным образом, Бакленд поступает совершенно противоположным образом: всю историю он помещает в первую главу своей книги (начиная ее подобно Стархук с 35 тысяч лет назад), оставляя в символе веры лишь пересказанный выше дискурс о невозможности (и ненужности, на взгляд Бакленда) реконструирования древнего язычества для современной системы веры.

⁹ Для описания этой теории и ее роли в викке см., напр. Трынкина 2021.

Традиция уже установлена, Бакленду нет нужды вписывать ее в символ веры. Сейчас для символа важнее другое – это конструируемая часть. Точно так же и Скотт Каннингем не упоминает историю в символе веры, продолжая упирать на то, что каждый сам может сконструировать свою традицию.

В истории в рамках глав об основах викки как религии, продолжая линию, которая была намечена в разделе о Боге и Богини, снова подчеркивается древность викки и ее соответствие с единой религией, которая когда-то, во временяные, существовала на всем земном шаре, а сейчас осталась лишь в воспоминаниях и пережитках – и мы снова слышим в голосах викканских идеологов викторианскую парадигму эволюционизма. Помимо этого, викка начинает вписываться в историю магии как таковой и рассматриваться как сочетание народной и церемониальной магии, культа плодородия и оккультизма, и при этом для разных авторов становятся привлекательными разные стороны: для Валиенте – это там самая народная магия, та часть, которую нельзя объяснить заимствованиями у Кроули или кого-то еще, «auténtичная» древняя традиция, восходящая к шаманизму, на которой строится ее вера, а для Фаррара, напротив, это именно изысканный момент древних мистерий и оккультизма. Любопытным образом, важность истории викки падает со временем: Стархоук посвящает очень много места рассказу о древности ведовства как религии, возводя ее вместе с Гарднером еще к каменному веку, однако уже у Бакленда и позже у Каннингема «символ веры» уже как будто не требует истории, как и у Каннингема – оправдание существования религии древностью в какой-то момент меняется на веру, и именно вера начинает рассматриваться как явный фактор аутентичности религии.

Морально-этический комплекс

И напоследок мы затронем тему, которая появляется везде при описании символа веры: это этические нормы и правила. Чаще всего они связаны с сутью викки как религии: с использованием магии и добровольным ограничением ее возможностей.

Интересно, что сам Гарднер не считал необходимым прописывать какие-то правила и табу в своем разделе об основах ведовства, поэтому впервые они появляются в качестве составляющего символа веры у Валиенте.

Она подчеркивает, что у ведьм нет заповедей или табу, однако моральный компас ведьм может быть выражен фразой «делай, чтобы хочешь, но не причиняй вреда» (Valiente 1986: 36). Валиенте сразу же оговаривается, что это не означает, что все ведьмы – пацифисты, потому как не обращать внимание на страдания друг и означает причинять вред. Она здесь же пишет, что этот принцип напоминает максиму телемы Алистера Кроули «твори свою волю, таков да будет весь закон», однако дополняет, что все забывают вторую часть фразы – «любовь есть закон, любовь, подчиненная воле». Валиенте сравнивает эту идею с тезисом святого Августина: «люби Господа и делай что хочешь». Неудивительно, что эта цитата приведена в разделе об этике: для святого Августина любовь к Богу – это интериоризация Божьего закона.

Стьюарт Фаррар в своей книге буквально цитирует тот же отрывок у Валиенте: про Кроули и забытую любовь, однако игнорирует цитату святого Августина. Фаррар указывает, что у ведьм нет четкого понятия греха, однако само использование магии накладывает определенные ограничения. Он цитирует Алекса Сандерса, что силу можно использовать «только в случаях сильной нужды и когда она не идет вразрез с желаниями и свободой других людей» (Farrar 1971: 43). Сам Фаррар указывает, что совесть для ведьмы должна быть решающим моральным арбитром, и ведьма должна слушать свою совесть даже в тех случаях, когда верховный жрец или жрица считают по-другому (Farrar 1971: 46).

Он затрагивает и классический для викки закон тройного воздаяния: «работа с черной магией, какой бы успешной она ни была в начале, имеет свои последствия. Не только искажение силы разворачивает мага, оно также имеет эффект бумеранга. Прекрасно известен оккультный принцип, что магическая атака, сделанная против более совершенной защиты, возвращается к самому атакующему трижды» (Farrar 1971: 40-41). Однако авторство здесь не принадлежит Фаррару – в художественном произведении закон тройного воздаяния впервые упоминается у Гарднера в его «Помощь высшей магии» (1949), а вот в викке – у Рэймонда Бакленда, в статье 1968 года.

С отсутствия понятия греха в викке начинает в своем символе вере и Стархоук. Она пишет, что для теологов, знакомых с иудео-христианской традицией религиозная система без понятия греха, без разделения духа и природы, без заповедей и завета, вызывает недоумение.

По Стархоук, базовая этика ведовства – это любовь к жизни во всех ее формах. В ведовстве крайне важно, что происходит с миром (по Стархоук, в отличие от буддизма). Богиня имманентна, но ей нужна помочь людей, чтобы осознать свою совершенную красоту. Гармоничный баланс осознания растений/животных/людей/божественного не является автоматическим, его нужно постоянно возобновлять – в этом смысле ритуалов, которые совершают ведьмы.

По Стархоук, ведьмы не видят справедливость, которую несет какая-то внешняя сила, которая основана на каком-то написанном кодексе или своде правил сверху. Напротив, справедливость – это внутреннее чувство, и каждый поступок несет последствия, которые нужно ответственно принимать. Стархоук упоминает закон тройного воздаяния: «то, что ты сеешь, вернется в тройном размере» - поступай так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой. Стархоук затрагивает и сексуальный аспект: все, что делается ради любви и удовольствия – это делается ради Богини. Главное, что ведущий принцип – это любовь (Starhawk 2011).

Человек, впервые упомянувший закон тройного воздаяния в письменном виде – в статье 1968 года, Рэймонд Бакленд, конечно же, останавливается на нем и в своей основной работе. В его разделе об основах веры этике посвящен целый раздел с названием «Воздаяние». Он указывает, что в отличие от кармического или христианского воздаяния, воздаяние в викке приходит не в следующей жизни, а в этой. Тебе приходит то, что ты делаешь, в тройном размере – как хорошее, так и плохое.

Хотя, по Бакленду, Бог и Богиня дают людям возможность от жизни к жизни получать определенный опыт, человек сам творит свою судьбу и свой мир, и подытоживает этот тезис уже известным тейком «Делай, что хочешь, но не причиняй вреда». Заканчивает этот раздел Бакленд советом по возможности помогать другим (Buckland 1997: 18-19).

Скотт Каннингем перечисляет множество догм, которые обязательны для ведьм. Он повторяет, что нельзя использовать Силу, чтобы причинить вред, ранить или получить власть над другими (только если чья-то жизнь находится в опасности) и что Силу нужно использовать только при необходимости. Он приводит и закон тройного воздаяния: «убедись, что поступаешь честно, ибо сделанное вернется к тебе троекратно, хорошее или плохое». Однако правил у

Каннингема очень много, от почитания саббатов и эсбатов до почитания всего живого. Он указывает, что страдания и радость создаем мы сами, так что призывает создавать радость и не умножать страданий и несчастий (Каннингем 2024: 85-88).

Этика ведовства тесным образом связана с концептом любви в самых разных его проявлениях: от любви к жизни, любви к миру, любви какекса, любви как морального ориентира и любви, приравненной к совести. Все это хорошо ложится в общий дискурс контркультуры 60-70-х годов, которая непосредственно оказывала влияние на формирование викки как религии.

Идея о тройном воздаянии, взятая из оккультизма, и кроулианская максима составляют два высказанных закона ведовства, идея об отсутствии греха и расплаты за него, постулируемые в пику господствующей религиозной парадигме, компенсируются запретом на нанесение вреда невинным людям и расплатой за его нарушение.

Итоги

Исходя из позиции, которую Талаль Асад считает присущей западному восприятию религии (так как религиоведение формировалось в рамках доминирующей протестантской культуры), в начале своего исследования мы искали в викке священные тексты. Однако сами викканские авторы, существуя всё в той же парадигме, очень часто сами их ищут и конструируют под собственную традицию – убирают то, что кажется им лишним, дополняют важным, игнорируют ли или используют как трафарет для выстраивания мифов собственной традиции. Среди таких текстов выделяются два, Воззвание к Богине и Миф о Богине, и точно так же в текстах викки они подвергаются критике, поискам источников, переосмысяляются, переписываются, однако живут в ритуалах и в формулах, а также в создании новых традиций и рефлексии над ним.

Любопытно, что и Миф, и Воззвание анализировались чаще всего не исследователями, а самими викканами: первую грандиозную попытку провести критику этого источника совершил Айдан Келли в своей книге (Kelly 1991), позже переизданной (Kelly 2007). Точно так же Дорин Валиенте и Стюарт Фаррар в своих произведениях пытались найти источники формирования этих двух священных текстов (Valiente 1982; Farrar 1971). В целом, это не очень удивительно: как Реймонд Бакленд в свое время возглавлял кафедру антропологии

Колумбийского университета, так и многие виккане по своему культурному капиталу напрямую приближены к исследователям викки (а временами являются и теми, и другими).

В рамках викки, или, скорее, эволюционировавшей из нее парадигмы ведовства, новые традиции создаются практически каждый день. Тем не менее, общая структура остается, и общие положения также сохраняются. Работая с «классическими» текстами влиятельных авторов, мы выделили четыре раздела, которые так или иначе встречаются в большинстве глав, посвященных основным положениям викки как религии. Нужно отметить, что выделенные нами критерии являются нашим собственным способом сконструировать структуру текстов викканских авторов, и они совершенно не обязаны совпадать с той структурой, которая изначально закладывалась их создателями. В силу того, что меняющийся канон викки постоянно находил свое отражение в книгах, мы можем ориентироваться на них в качестве источников этого канона, принимая, разумеется, во внимание, что это канон в отражении восприятия того или иного автором.

Помимо священных текстов, мы выделили четыре постоянных параметра, которые встречаются в главах, посвященных описанию основных положений викки: это природа божественного начала, представление о реинкарнации, история викки как религии и морально-этический комплекс. Обобщая некоторые выводы, которые мы сделали в соответствующих разделах, нужно отметить, что эволюция викки как религии происходит в рамках того самого накопления религиозного авторитета и встраивания в уже имеющийся дискурс власти на рынке предприятий по спасению, где господствует христианская церковь.

Отношения с христианством выстраиваются в христианском дискурсе, где двумя векторами является подтверждение постулатов через обращение к христианству, причем оно выступает как подтверждение морали и различных других концептов, дает символы для формулирования смыслов, одновременно являясь ориентиром, который нужно преодолеть: и в плане древности, и в плане разработанности религиозной концепции. Однако, чем больше религиозного капитала накапливает викка, тем меньше она как религия начинает нуждаться в христианском дискурсе.

Примером подобного может служить трактовка природы божественной пары в викке: изначально возникшая в рамках противостояния с парадигмой

монотеизма викка вырабатывает свою концепцию божественной пары – Великой Богини-Матери и Бога Смерти, подчеркивается древность этого представления по сравнению с христианством. Однако постепенно божественная пара заменяется, как это выразил Айдан Келли, «верой в силы, а не в божеств» (Kelly 2007: 158), и сама структура веры меняется: божественная пара становится воплощением некого единого трансцендентного начала, подобно каббалистическому Эйн Соф, и сравнивается с христианской Троицей, чтобы потом еще дальше уйти и от этой аллегории. В итоге эволюция божественной пары, у Гарднера имеющей свои имена и вполне конкретные функции, приводит к их соотнесению с любым божеством в мире: главное, чтобы это божество отзывалось в сердце у верующего, а к какой мифологической традиции оно принадлежит – уже совершенно неважно, так как Бог и Богиня воплощают всех известных божеств мира.

В процессе формирования этого дискурса происходит возвеличивание роли Богини и в целом рефлексия в разных школах над балансом в божественной паре, который в целом заканчивается предпочтениями каждого отдельного верующего. Сама структура религиозной общины также меняется: если до 1970-х годов практика проходила преимущественно в ковенах и передача знания происходит в рамках религиозной общины, то уже с 1980-х годов нарастает тенденция, особенно расцветшая в наше время, к индивидуальной практике. Происходит переоценка сакрального и профанного в знании, и всё больше информации открыто печатается в книгах – позволим себе предположить, что именно в силу укрепления позиций викки на рынке истины и спасения.

Точно так же и роль истории – социального института, лежащего в основе викки как религии, культурная память, поддерживающая ее основы, меняется со временем. Викка приравнивается к некой единой религии, которая существовала на Земле повсеместно до прихода монотеизма, повлиявшего на забвение ее ключевых положений – нужно помнить, что викка в целом тесно переплетена с научными парадигмами XIX века и романтическим национализмом – неудивительно, что здесь объяснение базируется на воззрениях ученых эволюционистского фреймворка. Оно перемежается другим способом конструирования истории: вписыванием викки в историю магии. Викка становится магией как таковой, и из-за этого получает не только древность, но и аутентичность: сочетание народной «забытой» магии и оккультизма позволяет верующим выбирать то, что им ближе и снова, как и в случае с божественным началом, лучше подходит для создания собственной традиции. Любопытным

образом, важность истории викки для ее основных положений падает со временем: с накоплением достаточной автономии внутри религиозного поля и всё большим упором на создание собственных традиций ценность истории как источника религиозного авторитета падает и заменяется на подлинную веру как фактор аутентичности религии.

Представление о реинкарнации тесным образом оказывается связано и с концептом божественной пары, и с историей. Как и сама викка, приравненная к древней единой религии, концепт реинкарнации, встречающийся практически во всей рассмотренных нами источниках, несет в себе функцию создания древней истории: подчеркивается, что реинкарнация – это древний институт, который возникает еще до монотеизма, и который даже существует в древности в христианстве, но исчезает оттуда со временем. Однако кроме древности концепт реинкарнации несет в себе идеи преемственности и памяти: ведьмы рождаются ведьмами на протяжении многих веков, и таким образом создается и поддерживается культурная память викки как социального института.

Завершает формирование общих положений викки идея о морально-этическом комплексе, которая непосредственно связана с краеугольным камнем викки – с верой в магию, а временами и приравненность викки в ней как к религиозной традиции, ведущей своей начало с зари времен. Запреты викки здесь непосредственно связаны с оккультной традицией, нашедшей свое самое известное воплощение в трудах Алистера Кроули, с его максимой «делай, что хочешь, но не причиняй вреда», и одновременно эта максима приравнивается к идеям святого Августина и к концепции всепобеждающей любви европейской контркультуры. Викка выстраивается как антитеза христианскому пониманию грехов (не раз подчеркивается их отсутствие в викке) и воздаянию, приходящему в викке в этой жизни в тройном размере, однако сама фигура верующего здесь наделена силой, которая должна регулироваться, причем в качестве регулятора всегда рассматривается не внешний закон социальной иерархии, а внутренний, интериоризированный.

В конечном итоге, формулировка основных постулатов викки оказывается тесно связана с процессом завоевания своего места на бурдьевском рынке спасения и истины и получением значительного религиозного капитала. Благодаря ему в дальнейшем викка и смогла распространиться по всему земному

шару, включая не только чисто религиозную традицию, но и влияние на масс-медиа, художественную и визуальную культуру.

Литература

- Bурдье П.* Генезис и структура поля религии. Перевод с французского: О.И. Кирчик. Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. 20.09.2009. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/3039> 16.11.2025
- Каннингем С.* Живая Викка. Продвинутое руководство для виккан-одиночек. Весь, 2024.
- Трынкина Д.А.* Викторианская эвгемеристическая концепция о фейри в британской и американской викке // Шаги/Steps. 2021. Т. 7(2). С. 156-174.
<https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-2-156-174>
- Asad T.* The Idea of an Anthropology of Islam // Qui Parle. 2009. Vol. 17. No. 2. P. 1-30.
- Berger H.* A Community of Witches: Contemporary Neo-Paganism and Witchcraft in the United States. University of South Carolina Press, 1999.
- Buckland R.* Buckland's Complete Book of Witchcraft. Llewellyn Publications, 1997.
- Charge of the Goddess - are all these Goddesses one? 2025 URL:
https://www.reddit.com/r/Wicca/comments/1kqayxq/charge_of_the_goddess_are_all_these_goddesses_one/ 16.11.2025
- Clifton Ch.* Her Hidden Children: The Rise of Wicca and Paganism in America. AltaMira Press, 2006.
- D'Este S. The Charge of the Goddess – Who really wrote it? 2019 URL:
<https://www.patheos.com/blogs/adamantinemuse/2019/06/the-charge-of-the-goddess-who-really-wrote-it/> 16.11.2025
- Farrar S.* What Witches Do. Coward, McCann & Geoghegan, 1971.
- Farrar J., Farrar S.* Eight Sabbats for Witches (Witches' Bible: The Complete Witches' Handbook). Phoenix Publishing Inc., 1996.
- Gardner G.B.* Witchcraft Today. Magickal Childe, 1982.
- Heselton Ph.* Doreen Valiente: Witch. The Centre for Pagan Studies, 2016.

Heselton Ph. Witchfather: A Life of Gerald Gardner. Vol 1-2. Loughborough, Leicestershire: Thoth Publications, 2012.

Hutton R. The Triumph of the Moon. Oxford University Press, 1999.

Kelly A. Crafting the Art of Magic: A History of Modern Witchcraft, 1939-1964. Llewellyn Publications, 1991.

Kelly A. Inventing Witchcraft: A Case Study in the Creation of a New Religion. Thoth Publications, 2007.

Lurhmann T. Persuasions of the Witches' Craft: Ritual Magic and Witchcraft in Present-Day England. Harvard University Press, 1991.

Magliocco S. Witching Culture: Folklore and Neo-Paganism in America. University of Pennsylvania Press, 2004.

Pike S. Earthly Bodies, Magical Selves: Contemporary Pagans and the Search for Community. University of California Press, 2001.

Serith C. The Legend of the Descent of the Goddess 2003 URL:
<https://www.ceisiwrserith.com/wicca/legendofthedescent.htm> 16.11.2025

Serith C. The Sources of the Charge of the Goddess 2019 URL:
<https://www.ceisiwrserith.com/wicca/charge.htm> 16.11.2025

Starhawk. The Spiral Dance: A Rebirth of the Ancient Religion of the Goddess (20th anniversary ed.). HarperOne. Kindle ed. 2011.

Valiente D. An ABC of Witchcraft: Past and Present. Phoenix Publishing Inc., 1986.

Valiente D. The Rebirth of Witchcraft. The Crowood Press, 2007.